

сорта. Ансельм вполне подтверждает выдвигавшееся против них обвинение в ребячестве — Беренгарий Турс-кий подтверждает обвинение в безбожии.

Учителем Беренгария был Фульберт, ученик Герберта Орильякского и основатель знаменитой Шартрской школы. Но если Фульберт учил о необходимости подчинить немощный и ограниченный разум тайнам веры и Откровению, то его ученик Беренгарий Тур-ский* (ум. в 1088) не поколебался перевести истины веры на язык разума. Эта попытка привела его к отрицанию транссубстанции и реального присутствия** с помощью аргументов, заимствованных из диалектики и некоего трактата, который приписывали Иоанну Скоту Эриугене. Беренгарий и в самом деле считает диалектику преимущественным средством обнаружения истины. Обратиться к диалектике, пишет он в своем сочинении «О священной трапезе» («De sacra coena»), — значит обратиться к разуму, а поскольку именно разумом человек подобен Богу, то не прибегать к нему значит отказываться от своего высокого звания и не обновляться день за Днем по образу Божию. Как и Иоанн Скот Эриугена, он убежден в превосходстве разума над авторитетом, но применение этого принципа к догмату Евхаристии и упорство, с которым Беренгарий держался еретических положений после того, как он публично от них отрекся, придают его отождествлению религии с философией агрессивный и нигилистический характер, которого была лишена мысль Скота Эриугены.

Во всяком сочетании материи и формы, Утверждает Беренгарий, следует различать

факт его существования и то, что оно есть. Для бытия определенной вещь необходимо, чтобы вначале существовало это сочетание. Другими словами, там, где не существует субъекта, нельзя обнаружить и его акциденций. Следовательно, если бы во время освящения субстанция хлеба действительно исчезала, то было бы невозможно существование акциденций хлеба; однако акциденции хлеба после освящения существуют: значит, мы можем заключить от противного, что сохраняется и сама субстанция. Следовательно, не происходит ни исчезновения собственной формы хлеба, ни порождения тела Иисуса Христа в том смысле, что оно начинает действительно существовать: происходит простое прибавление к форме хлеба, которая существует, некой другой формы, которая есть форма святого тела Христа. Впрочем, складывается впечатление, что диалектический пыл Беренгария ограничивается этим дерзким вторжением в область теологии, а во всем прочем его рационализм остается философически бесплодным.

Подобная необузданность диалектики не могла не вызвать негативной реакции против логики и даже против всякого изучения философии вообще. С другой стороны, в ту эпоху в некоторых религиозных орденах появилось реформаторское движение, ставившее целью сделать самую строгую монашескую жизнь нормальным образом жизни человека. Тогда становится понятным, почему с разных сторон предпринимались усилия отвратить умы от языческой культуры и науки и в особенности от философии, которые представлялись языческими пережитками в эпоху, когда все человеческие силы должны быть употреблены на дело спасения. С точки зрения епископа Герарда, «ученики Христа не нуждаются в чуждых учениях». Он признает, что всякая мудрость, в том числе человеческая, исходит от Бога, но хотя он не нападает на сами науки, однако восстает против тех, кто, занимаясь ими, рассчитывает стать мудрым, а в действительности становится безумным. Особенно опас-

178 Глава IV. Философия в XI веке и предосудительным кажется ему применение философии к теологии: «Это верх безумия, — пишет он о языческой науке, — спорить со служанками о Том, Кого подобает славить перед ангелами». Отло из Сент-Эмме-рама